

В.Н. Перетц

**Краткий очерк методологии
истории Русской литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Н. Перетц**
Краткий очерк методологии истории Русской литературы / В.Н. Перетц – М.:
Книга по Требованию, 2018. – 164 с.

ISBN 978-5-517-98974-1

Краткий очерк методологии истории Русской литературы. Пособие справочник для преподавателей, студентов и для самообразования

ISBN 978-5-517-98974-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книжку, содержащую краткий очерк вопросов, связанных с историко-литературным анализом и построением, я предназначаю для начинающих студентов. К сведению любителей библиографии, как таковой, сообщая, что библиографические указания мною даются намеренно скупо. Кто заинтересуется тем или иным историко-литературным или методологическим вопросом—найдет здесь лишь общие указания, по которым сможет уже самостоятельно выйти на дорогу: библиографические розыскания—вещь полезная и к ним надо привыкать с самого начала работы.

Выпускаю этот краткий очерк, сознавая многочисленные его недостатки. Но в русской научной литературе, к сожалению, нет другой книги, которая бы ориентировала начинающих в вопросах историко-литературной методологии. Этим и оправдывается моя решимость.

§ 1. Необходимость методологии.

Эта книга представляет собою краткое руководство, справочник, назначаемый главным образом для студентов, приступающих к изучению литературы, а также для лиц, желающих путем самообразования расширить свой кругозор в области гуманитарных наук и специально — в области изучения творчества в слове.

Все мы, со школьных лет, привыкаем незаметно к мысли, что «литература» — вещь столь известная, что о способах изучения ее не стоит и говорить. Между тем, если мы всмотримся в обширную критическую литературу, то заметим, что почти каждый продукт творчества в слове оценивается и разными критиками, и читателями различным образом. Мало того, даже весьма уравновешенными и чуждыми «импрессионизма» историками литературы о литературных памятниках, даже весьма отдаленного от нас времени, о целых эпохах — высказываются иногда диаметрально противоположные суждения (сравним напр. суждения Голубинского и хотя бы Шевырева и Ор. Миллера о русской литературе домонгольского периода). Уже одно это обстоятельство наводит нас на мысль поискать, где таится истина, так как логика с одной стороны не может признать научно ценным суждение, зависящее от симпатий или антипатий, и, с другой — не позволяет нам утверждать противуречливое об одном и том же явлении или предмете. Значит, суждения историков литературы, литературных критиков, исследователей отдельных вопросов в области изучения творчества в слове — требуют проверки, выделения личного, субъективного, готовых, повторяемых иногда традиционно мнений. Таким образом, не только научный исследователь, но даже просто трезво мыслящий читатель не может слепо верить в истинность того, что предлагает ему автор — историк. Не говорим уже об исследователе: ему во всяком случае необходимо владеть орудиями исследования и знать качества их и их свойства, которые в большей или меньшей степени определяют пригодность их для получения — не произвольных фантазий, а научной истины.

Каждая наука не есть груда добытых тем или иным способом фактов; наукою мы называем систему знаний о чем-либо. Система же — предполагает не слепое вдохновение, а про-

цесс мышления, анализирующий явления, классифицирующий, координирующий их и сравнивающий, отгадывающий общее из ряда разрозненных на первый взгляд фактов и устанавливающий генетическую зависимость между ними.

В каждой области знания (науке) мы различаем материал (то, что подлежит изучению), методы, (способы, которыми этот материал изучается, обрабатывается) и результаты изучения, формулируемые в выводах более или менее широкого значения (правила, законы).

Подобно тому, как в зависимости от материала в технике изменяются и орудия и способы его обработки, так и в области науки каждая сторона человеческого знания и творчества для своего раскрытия требует далеко не всегда одних и тех же приемов: у них врсального метода нет, есть различные методы, путем коих мы изучаем, исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям. Методология каждой науки изучает и выясняет степень пригодности различных методов для получения научной истины. В частности, в нашей области методология истории литературы изучает и выясняет условия, приближающие нас к познанию истины в истории возникновения и развития литературных явлений (явлений словесного творчества). Творческое воображение, являющееся основой создания научных истин, конечно, не создается никакою методологией; но, как без соответствующего инструмента и без знания техники своего производства, даже талантливый от природы работник не сможет достигнуть совершенства в своем деле, так и историк будет долго бродить в потемках и потребует не мало времени и затраты усилий и способностей, пока сам не набредет на соответствующий метод. Кроме того, ни один историк, неизбежно опираясь на работы предшественников — не может признать правильными результаты работ, не подвергнув критике — как эти результаты, так и методы, коими они получены.

Изучение методов исследования и критика их полезны во многих отношениях.

1) путем такого изучения создается привычка критически мыслить;

2) ослабляются и уничтожаются принимаемые многими на веру предположки, предвзятые идеи, опирающиеся на наши привычки к определенным представлениям;

3) изучение методов устанавливает общие принципы исследования, благодаря чему люди быстрее понимают мысли друг друга, и делает выводы исследователя убедительными и для других и для него самого;

4) критическое отношение к приемам исследования, коими получен результат. — охраняет как самого исследователя, так и

читателя его трудов от слепой веры в истинность представляющихся взору выводов и ограждает обоих от увлечений темперамента, индивидуальных, групповых, классовых вкусов и тенденций.

Отсюда — ясна необходимость изучения методологии в каждой науке, особенно же в области наук гуманитарных (наук о творчестве человека), где наиболее трудно бывает разграничить субъективное и объективное отношение к изучаемым фактам. Задача методологии — указать пути объективного изучения фактов, подвергнув известные методы критике в целях определения их пригодности для познания научной истины. Знание методов работы и критическое к ним отношение дает возможность достигать лучших результатов с наименьшей затратой времени, сил и способностей. Свободная критика методов исследования помимо прочего представляет важное орудие для освобождения человеческого разума от слепого догматизма, с которым мы встречаемся везде, и в науке и в жизни, особенно на высших ступенях умственной культуры, далеко еще не изжитых русским обществом. От методологии и историко-литературного исследования, учащей вести самостоятельную исследовательскую работу по добытию новых фактов и истолкованию их связей с другими, следует отличать методику преподавания; последняя объединяет в себе совокупность приемов преподавания выработанных наукою истины и оценивает эти приемы с точки зрения соответствия их педагогическому идеалу того или иного времени.

§ 2. «История» и «История литературы».

Область наук естественных изучает творчество природы и результаты этого творчества. Область гуманитарных наук имеет своим предметом изучение жизни и творчества человека, проявляющихся в создании новых явлений, не данных природой. В то время как науки естественные изучают человека, как одно из проявлений творчества природы, как зоологическую особь, — науки гуманитарные исследуют то, что создано им самим, как в области проявлений его жизни, так и мысли, чувства, фантазии, т. е. поступки человека и его мысли, выраженные в слове.

Таким образом, мы различаем и изучаем историю, т. е. проявление мысли в действии, во внешнем мире (создание форм быта, государственных организаций, экономических отношений и т. п.) и филологию, т. е. проявление человеческого творчества в слове, как таковом (язык, литература).

Отношение истории жизни к ее проявлениям в общих чертах таково: он изучает процессы создания идей и отношений и их объективированные результаты, факты: матерна-

дом для него являются поступки отдельных людей и коллективов, и последствия этих поступков, о которых мы узнаем из летописей, мемуаров, дневников, надписей, разного рода актов и документов; ценны для историка жизни также идеи предшествующих ему поколений, сохранившиеся у философов, ученых, поэтов. Историк сопоставляет показания этих свидетелей о жизни прошлого, оценивает их критически и воссоздает, в зависимости от количества и качества их—более или менее верную картину жизни прошлого.

Историк литературы имеет своей задачей не воссоздание действительной жизни этого прошлого, а воссоздание картины смен литературных вкусов и направлений, «чередование литературных споров и предложений», по образному выражению А. Н. Веселовского. Он изучает не действительно свершившиеся поступки живых людей, запечатленные для потомства в актах и документах, а жизнь, претворенную фантазией поэта, отраженную в понимании творцов произведений литературы.

Своеобразно различается и отношение к письменным остаткам жизни — историка ее и историка литературы: для историка жизни письменный памятник прошлого является лишь более или менее достоверным свидетелем о событиях этого прошлого; он важен не сам по себе, а лишь в зависимости от степени достоверности его показаний; для историка литературы важен каждый письменный документ, каждая устная песня, сказка, говорящая о настроениях их творцов, среды, признавшей их своими, и притом важны эти памятники слова постольку, поскольку они волнуют сходными переживаниями — читателя и слушателя.

Для историка жизни важно то, что передает письменный источник; для историка литературы—то, как он передает. Пример: древне-русские летописи рассматриваются историком, как источник сведений о быте древне-русских племен и, как таковой, подвергается критике с точки зрения степени достоверности показаний о фактах древней жизни. Те же памятники рассматривает и историк литературы, и изучает их элементы, источники, способ комбинации их, стиль и язык.

§ 3. Наука ли история и история литературы?

Прежде чем приступить к задаче, поставленной нами, следует выяснить вопрос, имеющий для нас основное значение: может ли считаться наукой изучение творчества в слове? Может ли претендовать история литературы — быть наукой?

Различают два пути научного мышления: мышление номотетическое (констатирующее законы) и идиографическое (описывающее явления). Первое — по Виндельбанду — ищет законов совершающегося, второе — стремится дать полное, исчер-

пывающее описание явлений определенной категории. Каждая наука делает и то, и другое, но всякая при этом стремится к обобщению того, что извлечено из опыта и наблюдения. В том числе историко-литературные изучения, отправляясь от описания фактов и обследования частностей, — стремятся, оторвавшись от конкретной действительности, к обобщению. Историк литературы далеко не ставит себе единственной целью, как полагали в старину, «изображение людей и их судеб во всем сложном их своеобразии» (Дашкевич), а желает изучить и воссоздать процесс литературного творчества, историю стили, сюжетов, художественных замыслов и композиций. В поисках общих законов развития творчества в слове — историк литературы пользуется теми же общими приемами исследования, что и историк и естествовед: индукцией, дедукцией, абстракцией, детерминацией с их производными, каковы сравнение, классификация. Все эти способы исследования пригодны для науки, имеющей дело не только с чистым умозрением, но и с положительным, реальным фактом.

Против признания исторических наук, а в частности и истории литературы — наукам, обычно возражают, ссылаясь на невозможность для них пользоваться экспериментом и вынужденное пользование только наблюдением. Но ведь это — разделяется и наиболее точной из наук, астрономией, которая также экспериментом не пользуется. Указывают на отсутствие неизменных законов в нашей науке; но безусловны ли законы наук о природе? Открытия XIX и XX в.в. показывают, что и здесь многие «законы» прежнего времени рушатся довольно быстро, вместе с поступательным движением науки. Возражают, говоря, что в области наук математических и естественных человек является лишь субъектом наблюдающим, объект же наблюдения — чисто внешний, то, что отдельно существует от человека и не зависит от его настроений, воли, желаний и оценок. В области же наук исторических человек является одновременно и субъектом и объектом наблюдения, и наблюдающим и наблюдаемым. Это — недоразумение: в истории литературы мы наблюдаем развитие идей и их воплощений в памятниках языка, объективно существующих, независимо от нашей воли, от желаний или нежелания, одобрения или неодобрения наблюдателя. Опубликованное произведение творчества в слове — для исследователя существует объективно и неизменно; изменяются лишь оценки, даваемые ему читателями.

Отсюда, впрочем, вытекает еще одно возражение: при оценке литературных явлений субъективизм неизбежен, а при субъективизме, — естественно, не может быть никакой точности, постоянства, раз на сцену выдвигаются личные вкусы и взгляды. Это справедливо, но не по отношению к истории литературы. Конечно, все наши суждения о явлениях «субъективны»,

т. е. несут печать личного, индивидуального восприятия факта; но есть весьма существенная разница в степени и виде субъективности: суждени е о вещи далеко не всегда есть ее оценка. Возьмем два суждения: 1) песня ритмична; 2) песня веселая; или 1) сказка заимствована из литературного источника; 2) сказка не интересна. В первом случае (1) мы, независимо от нашего вкуса, настроения и степени заинтересованности — можем проверить достоверность суждения; во втором (2) — находим одобрение или неодобрение, оценку совершенно индивидуального свойства. Ясно, что оценка ровно ничего не прибавляет к пониманию оцениваемого предмета, не расширяет наших знаний о нем. Отсюда заключаем, что одно дело — история литературы, именно определение свойств литературных произведений, генезиса их, отношения к традиции письменной или устной и пр.; а другое дело любителя делиться впечатлениями — оценка литературных явлений с точек зрения вкусов личных и групповых. Последняя ни для кого обязательной силы не имеет: «сколько готов — столько умов», каждый волен ценить по-своему. Если при недостаточной внимательности, возражая против признания истории литературы наукой, смешивают изображенные выше два способа отношения к памятникам словесного творчества, то это — не вина истории литературы, а недостаток, свойственный, впрочем, и некоторым историкам, подменяющим в угоду интересам времени и личным вкусам — суждения исторические — оценками.

Наша область изучений имеет свой специально принадлежащий ей материал, совокупность специальных методов и стремится к выведению законов исторического развития. Как наука молодая, она еще сделала мало успехов в этой области. Но это отнюдь не значит, что изучение человеческого творчества в слове не может быть научным; в дальнейшем, при анализе методов мы постараемся выделить то, что мешает многим стать на научную точку зрения при изучении литературных фактов и дискредитирует историю литературы как науку.

§ 4. Виды изучений словесного творчества.

Наше отношение к произведениям творчества в слове может быть различно, в зависимости от степени любознательности и общей образованности:

1. Мы, или ознакомившись с тем или другим произведением, или с группой их, обсудив наши впечатления, даем свою оценку прочитанному с точки зрения наших вкусов, вкусов возросшей нас культурной среды, или с точки зрения моральных и общественных идеалов, нами признаваемых за нечто устойчивое, определенное. Мы судим — и самое произведение и

наше впечатление, им созданное, и выражаем наше отношение к автору и его творчеству.

2. Или мы изучаем памятники словесного творчества в исторических условиях их появления, изучаем процесс их создания, роста, видоизменения, исчезновения с литературного горизонта на время или совершенно, влияния одного произведения слова на другие, и устанавливаем путь литературного развития у того или иного народа.

3. Или мы, на основании данных исторического изучения, пробуем представить теоретические основания, объясняющие процесс словесного творчества у отдельного автора или целой группы.

История нашей науки показывает, что примитивным видом изучения была литературная критика. От критика мы не требуем и не можем требовать научно-достоверных суждений, отличающихся хотя бы малой обязательностью для тех, кто читает его статьи. Задача его—истолкование литературных произведений согласно его индивидуальным или групповым вкусам и тенденциям, эстетическим, моральным, общественным. Критик, делаясь с читателем своими впечатлениями—не историк и не обязан быть им: он—сам творец, он по своему воссоздает идеи—образы, данные поэтом, истолковывает их, стремится понять их и объяснить своему читателю на основе и в пределах своих личных вкусов и мировоззрения.

Следующим этапом является литературная история (*Histoire littéraire, Literaturgeschichte*); это—изучение памятника библиографическое и биографическое, в деталях, в связи с жизнью автора, историческими данными эпохи, раскрывающими роль тех или иных факторов, влиявших на него. Литературная история охватывает все, написанное на данном языке, и содержит сведения об авторах, их книгах, их литературных и исторических отношениях.

Далее наступает момент истории литературы (*Histoire de la littérature, Geschichte der Literatur*): «дело историка литературы или историка любого из искусств, указывает Н. П. Кареев, (Историка, с. 223), разобраться в вопросах генезиса изучаемых им произведений, зависимости писателей и художников одних от других, эволюции стилей, манер, школ, или в вопросах о разного рода влияниях социальных, политических, религиозных и т. д., сказавшихся на литературе или на искусстве такого то народа». Если мы всмотримся в массу произведений мировой литературы, то заметим, что развивается, эволюционирует не только жизнь, но и поэтическое творчество, развертывающееся на ее фоне, его приемы. С ростом общества меняются и его идеи, и те формы, в которые эти идеи отливаются. Одно литературное направление сменяется другим (у нас, напр.: классицизм, сентиментализм, романтизм). Поэты постоянно ищут

новых форм, воплощая в них художественные идеи своего времени. История литературы—это история этого процесса художественных исканий и их воплощений в словесном творчестве.

На основе исторических изучений вырастает стремление создать обобщения—о процессе творчества в пределах возможных наблюдений над литературой всех эпох и народов. Возникает потребность раскрыть законы творчества—и таким образом, в ответ на эти запросы складывается историческая поэтика.

§ 5. Задачи истории литературы.

История литературы изучает развитие форм, в которые отливается мысль поэта в разные времена. Под «формой» мы разумеем всю совокупность средств художественной объективации—язык, стиль, приемы композиции, сюжеты—вообще все средства, с помощью которых идея поэта получает осязательное бытие и приобретает способность вызывать в читателе и слушателе соответственные (хотя и не тождественные с авторскими) эмоции.

Слово—основной элемент в этой цепи творческих средств. Это—неизбежная форма, без которой нет поэтического творчества. От слова зависит самый характер восприятия целого ряда разнообразных переживаний, впечатлений, настроений и идей поэта. Скажет ли он: «дворец, дом, чертог, лачуга, хижина, хата, будка, шалаш, изба»—каждый раз с возникновением в нашем сознании представления о здании, жилище—рождается масса вторичных, но для поэта весьма существенных признаков. При этом—слово живет, но значение его с течением времени меняется; меняются и вызываемые им настроения и впечатления у читателя. Разные эпохи ассоциируют с данным звуковым комплексом разные представления; таковы напр. слова «изумление» (в XVII—XVIII в.—потеря сознания), неистов (=не настоящий), прелесть (=обман); у Карамзина—относиться (=обращаться), ласкать комунибудь (=льстить), у него же сестры милосердия обхаживают больных (=не обманывают, а просто обходят). Все эти и многие другие слова двести и сто лет тому назад имели совершенно иное значение и стали бы ценностью.

Стиль, по выражению Эльстера (Prinzipien, II, 8) есть «сумма подчиненных объединяющей норме средств выражения, в которых обнаруживаются эстетическая концепция и преобразующая сила творящего». Стиль, живописующий душевные переживания, тончайшие оттенки настроений, первоначально создаваемый индивидуальным творчеством поэта, вместе с тем является характерным показателем поэтического мышления и восприятия эпох. Всякая эпоха есть эпоха господства определенного стиля. Однородность, общность идей, настроений и пе-